

НЕ ТАК давно я, как и М. Бывалец (был тогда примерно того же возраста), зашел в тупик. От бросающегося в глаза — на первый и поверхностный взгляд — контраста между искусством и жизнью. Неужели искусство — это одно, фантазия, а жизнь, реальность — совсем другое? — думал я. Неужели только в искусстве так хорошо: герои, комсомольцы, тимуровцы, а в жизни совсем иначе: хулиганы, пьяницы, двойки... А как же тогда Николай Островский, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская?

Не находя ответов на вопросы, я замкнулся. Конечно, я разговаривал, общался с людьми, поддерживал какие-то отношения. Но в разговорах на некоторые темы отмалчивался. Но так как сбыта накопившейся «фразеологической энергии» не было, я стал заниматься перепиской с редакциями. Писал на самые разные темы, больше всего молот ерунду, но, что поразительно, моя писанина, весьма однообразная, стилистически ужасно была похожа на письмо М. Бывальца.

Потом я понял, что замкнутость — не спасение, а наоборот, именно она часто является причиной равнодушия и эгоизма.

Конечно, надо быть принципиальным, но надо и реалистом. Иногда ведь один неблагородный факт может иметь множество причин, которые трудно разложить на составные. Поэтому часто приходится отказываться от ограниченной двухбалльной системы оценок — каждое явление своеобразно.

Сейчас я нахожусь под впечатлением сборника рассказов Василия Шукшина «Брат мой». Там есть такой рассказ — «Сураз» называется. Так вот этот «Сураз», если его хорошо понять, один и может стать ответом на вопрос, поднятый М. Бывальцем. Но на «Суразе»

я остановлюсь потом, сначала мне хотелось бы вспомнить последний фильм этого замечательного художника — «Калина красная». Знаете, какая сцена показалась мне в этом фильме самой страшной? Не та, когда Егор бьет деньгами по лицу своего бывшего «коллегу», и даже не та, когда Егор

Так же остро и психологически точно написан «Сураз». Спирька Расторгуев во многом схож с Егором: самолюбивый, судимый — отбыл пять лет в лагерьх строгого режима, пил, матерщинничал, ходил по одиноким бабам. Словом, встретить его в жизни Бывалец... Так вот, этот Спирька хотел убить че-

не. Горевал о своей неудавшейся жизни и любви.

Я вовсе не хочу сказать, что все хулиганы и преступники — Егоры и Спирьки. Я только подчеркиваю, что нам нередко очевидно лишь внешнее поведение человека, а что за ним кроется мы, как правило, не знаем, — так давайте не будем торопиться с ярлыками. Наше отращивание, а тем более равнодушие никому не помогало, а вот участие, сочувствие может помочь. Жизнь — штука капризная, она не так запросто поворачивается к нам хорошей стороной, а верный путь к этому — дело, но ни в коем случае не созерцание.

Вот мы тебя, М. Бывалец, ругаем, ругаем... А ведь это хорошо, что ты написал о крушении своих голубых иллюзий. Мне понятно твоё желание жить правильно. Но ведь «жить правильно» надо понимать не как что-то абстрактное. Ты построил своё представление о жизни по литературе — прекрасно, теперь строй его в самой жизни. Не всегда нужно верить на слово, что дважды два — четыре, иногда это нужно пересчитать на пальцах. Живи! Возможно, ты встретишь в жизни людей, не очень отесанных и не очень разбирающихся в тонкостях искусства, — это не самое главное, хоть и тоже важно. Самое же главное — как человек относится к реальным людям и реальному делу в реальной жизни.

Если ты хочешь иметь друзей без недостатков, ты обречен на одиночество. У меня ведь тоже были и дружки, и приятели, и знакомые, а вот друга, о котором поют в песнях, не было — это редкость. Если тебе попадет такой друг, считай, что тебе повезло, и дорожи им.

Ну вот часть того, что я хотел тебе вкратце сказать. Пожалуй, я изобрел велосипед, но такой «велосипед» должен «изобрести» для себя каждый.

Юрий СОХОВИЧ,
21 год.

Саратов.

А Я НАШЕЛ У ШУКШИНА...

ра убивают. А та, когда приезжает Любин муж с двумя дружками «поговорить с Егором». Он высокомерным взглядом окидывает Егора: «Я-то думал, Илья-Муромец, а этого Кузьму я и сам возьму». И решает немедленно приступить к делу. Он ведет Егора по деревенской улице, но чувствует, что тот несколько его не боится, и все больше и больше распалается. Наконец, покатались дружки. Все идут за Егором, однако никто не решается начать первым. Вот Егор резко повернулся — и все остановились. Опять идет — они опять за ним. Наконец, Любин муж в ярости хватается за бревно — тогда Егор прислоняется спиной к стене бани и холодящим взглядом осматривает беснующуюся тройку: «...у тебя же руки трясутся». Муж плюнул и ушел. Невероятная сцена! Может ли такое произойти на самом деле? Нет ли расхождения между правдой и действительностью? Нет, истинно шукшинская психологическая точность. Но если такая сцена произойдет в жизни, будет жутко. А тут, в итоге, — прекрасно!

ловека, с которым подрался, но в самый последний момент, когда только оставалось нажать на спусковой крючок, к нему в ноги бросилась жена жертвы, та, которую Спирька страшно любил, только не успел этого осознать толком. Она ползала у Спирькиных ног, полураздетая, и отчаянно кричала... Как огромный валун, катящийся прямо на гнездо, у самой цели встречает препятствия: камни, корни, и оттого замедляет свое движение, и, наконец, уже в полшаге от гнезда совсем маленький камешек меняет его направление, — так произошло и здесь: преступление не совершилось.

А теперь давайте предположим, что все это произошло на самом деле. И то ли Спирька, стиснув зубы, все-таки нажал на курок, то ли ружье враз выстрелило само (бывает же такое), но преступление совершилось. Что подумали бы про Спирьку? «Ну, а чего еще от него было ожидать-то? Пил, курил, матерился... Ясное дело — отпетый».

А у Шукшина он не отпетый. Он любил мать, как он ласково говорил с нею перед последним решительным шагом! Да он и по вдовам ходил, но он принес учительнице цветы перед той страшной ночью. И горевал после той страшной ночи среди цветов на лесной поля-